

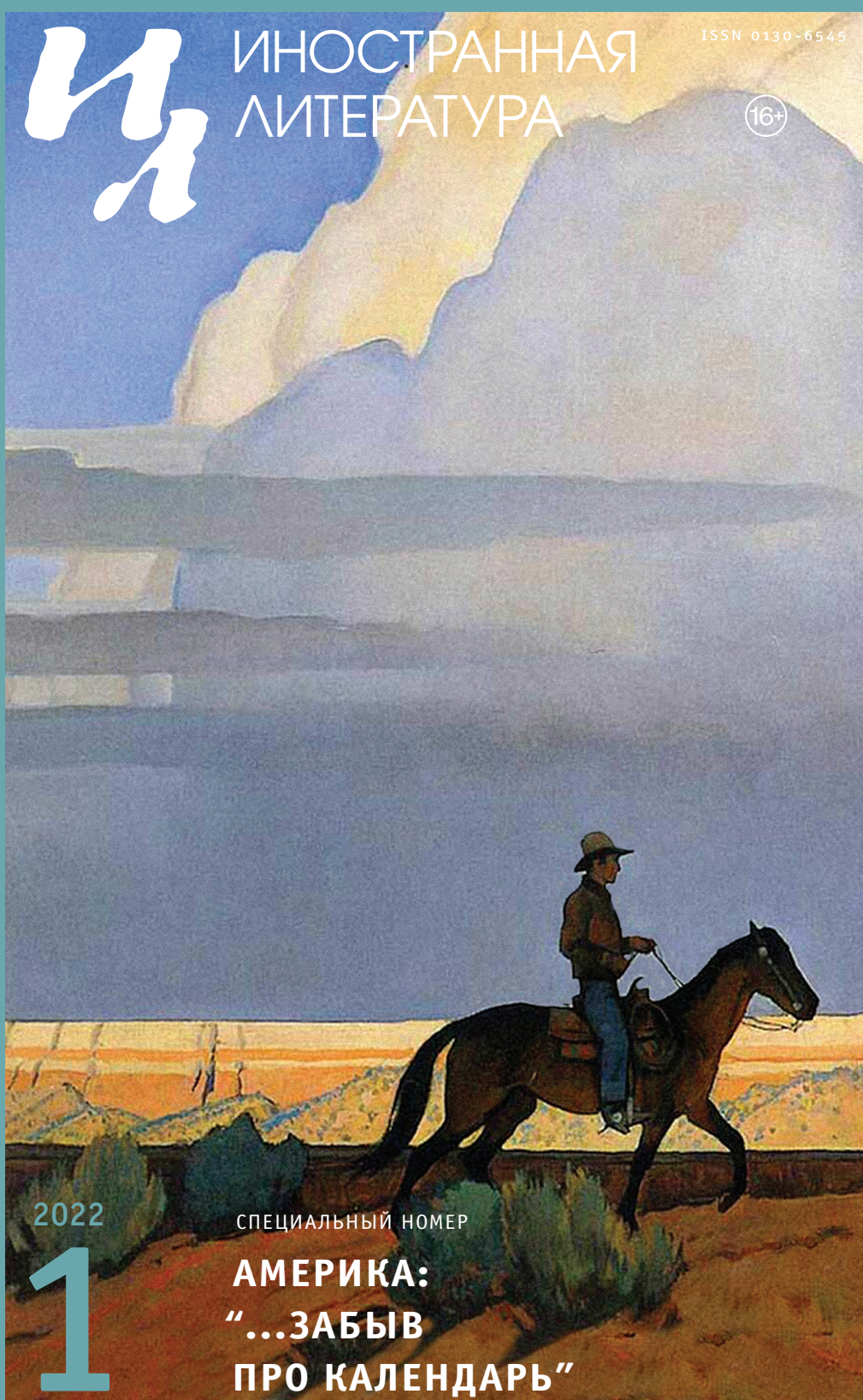

ИЛ

ИНОСТРАННАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ISSN 0130-6545

16+

2022

1

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР

**АМЕРИКА:
"...ЗАБЫВ
ПРО КАЛЕНДАРЬ"**

Основан в 1955 году

[1]
2022

ИНОСТРАННАЯ И ЛИТЕРАТУРА

Ежемесячный
литературно-
художественный
журнал

Америка: “...забыв про календарь”*

- Нобелевская премия — 2020 3 Луиза Глюк *Стихи*. Перевод Анастасии Строкиной
- В малом жанре 8 ШЕРМАН АЛЕКСИ *Примерный размер моей любимой опухоли*. Перевод Марии Еремеевой
- 20 СЭМ ШЕПАРД *Следуй призыву*. Перевод Ларисы Беспаловой
- 28 СИГРИД НУНЬЕС *План*. Перевод Анны Лысиковой
- 45 ТОНИ ЭРЛИ *Рюкзак*. Перевод Сергея Катуква
- 61 НЕЛЛА ЛАРСЕН *Убежище*. Перевод Анастасии Елагиной
- 66 Ю ДОРА УЭЛТИ *Благотворительный визит*. Перевод Евгения Хвалькова
- Литературное наследие 72 КЕЙТ ШОПЕН *Два рассказа*. Перевод и вступление Анастасии Ашитковой
- ИВ 94 МИХАИЛ ГОРЕЛИК *Восемь эпизодов из гуляющей допоздна маленькой книги*
- Современное эссе 117 “*Заняться хоть чем-нибудь*”. Составление и перевод Анны Лысиковой
- Черное — белое 133 ЗОРА НИЛ ХЁРСТОН *Рассказ и эссе*. Перевод Ирины Морозовой
- Американская готика 151 ЭДИТ УОРТОН *Керфол*. Рассказ. Перевод Михаила Вострикова и Анастасии Макеевой
- 168 СИЛЬВИЯ ПЛАТ *Мэри Вентура и Девятое королевство*. Рассказ. Перевод и вступление Анастасии Макеевой
- Триллер 182 МИНЬОН ЭБЕРХАРТ *Расследования Сюзан Дейф*. Две повести. Перевод Александра Авербуха
- 233 СТЕНЛИ ЭЛЛИН *Преступление Иезекииля Коэна*. Рассказ. Перевод Михаила Грачева
- Ничего смешного 255 КРИСТОФЕР МОРЛИ *Эссе, рассказы*. Перевод и вступление Михаила Матвеева
- Библиофил 276 *Книги вразнос. Что у нас переводят. И как*. Экспресс-рецензии Даши Сиротинской
- Библиография 279 *Американская литература на страницах “ИЛ” 2019–2021*
- Авторы номера 281

* Из стихотворения Иосифа Бродского
“Осенний вечер в скромном городке...”

МИНЬОН ЭБЕРХАРТ

Расследования Сюзан Дейр

Две повести

Перевод АЛЕКСАНДРА АВЕРБУХА

Помада цвета розового вина

СЮЗАН Дейр поднялась с пола сцены и отряхнула пыль с юбки. Смерть в своей первобытной форме всегда отвратительна, но в данном случае она оказалась особенно уродлива. Сюзан почувствовала странное желание подвинуть лежавшего у ее ног человека, чтобы его приподнятая голова с проломленным черепом не упиралась в софит ramпы.

Случившееся потрясло Сюзан. Ей было дурно. Неудивительно, что Аделаида Колстер продолжала истерически всхлипывать.

Аделаида Колстер. Сюзан задумчиво перевела взгляд на небольшую группу, собравшуюся у противоположной кулисы. Аделаида — поблекшая миниатюрная блондинка, кажется, сестра убитого.

Тогда женщина с коричневым цветом кожи в темном вязаном костюме, так безупречно владевшая собой — его жена. Ее звали Джейн. Джейн Колстер.

Сюзан снова посмотрела на светловолосого мужчину, лежавшего на сцене. Крупный, грузный, но сложен пропорционально. Вероятно, старше своих сестры и жены. Обилие грима вокруг рта немного сбивало с толку.

Сюзан заставила себя снова взглянуть ему в лицо. Ненапудренное, грима возле глаз нет, бородка из нарезанного на узкие полоски крепа. Контуры губ обведены довольно широкой полосой приглушенно-малинового цвета. Стало быть, подготовился к репетиции. Удар по голове должен был быть невероятной силы.

“Убит тупым предметом”, — подумала Сюзан и осмотрела сцену, сейчас представлявшую собой балкон с двумя выходящими на него высокими французскими окнами. Возле одного из окон стояли стол и два стула, но все это было слишком легковесно и не могло нанести удар, оборвавший жизнь крупного мужчины.

Сюзан снова посмотрела на собравшихся у противоположной кулисы. Аделаида теперь всхлипывала в объятиях художавого, темнокожего мужчины, который называл себя Клером Дикенсоном и которого все звали Дики.

Джейн Колстер закуривала, держа сигарету полными губами — у нее был крупный рот, — и Сюзан ясно видела контуры ее темнокожего лица, освещенного огоньком зажигалки, отражавшимся в ее глазах. Лицо выглядело сосредоточенным. Сюзан вдруг пришло в голову, что это очень привлекательная женщина, хотя ее очарование заключалось не в красоте. Джейн взглянула на всхлипывающую Аделаиду и снова повернулась к стоявшему рядом мужчине, который только что поднес ей зажигалку.

— Долго это еще будет продолжаться? — сказала она. — Как, по-твоему, Том? У них было время найти убийцу. Он где-то здесь, в театре.

Том Реми (Сюзан помнила, что таким именем назвала одного из своих литературных героев, констебля) пожал плечами, закурил и сказал:

— Кто их знает.

За рампой начиналось ярко освещенное пространство с многочисленными рядами пустых кресел. В дальней его части стоял часовой — горожанин, поспешно назначенный явно суетившимся констеблем. Из-под сцены то и дело доносился гул мужских голосов, хлопанье дверей и топот. Видимо, обыскивали примерные, реквизитные и печь.

“Раз труппе предоставили такое большое – и амбициозное! – здание, движение малых театров¹ имело большой успех”, – мелькнула у Сюзан довольно прозаическая мысль. Большое, по крайней мере, по меркам городка. Она вспомнила плакаты, которые видела в многолюдном магазине, куда они зашли с Джимом, чтобы спросить дорогу к театру, – большие, красиво отпечатанные плакаты, объявлявшие о последней постановке Малого театра, которая называлась “Частная жизнь” и должна была идти три вечера подряд, начиная с завтрашнего дня.

Теперь никаких спектаклей не будет.

Колстеры – убитый, его сестра и жена – увлекались любительским театром и неплохо играли на сцене. Люди они, это было ясно, со средствами, располагающие досугом и, вероятно, понимающие в искусстве, в частности в драматургии.

Тот, кого звали Дики – режиссер, то есть профессионал, имеющий актерский и режиссерский опыт и, вероятно, щедро оплачиваемый труппой Малого театра. У него было худое лицо, умные темные глаза, и он производил впечатление человека властного, решительного и обладающего нужной в его деле хваткой.

О Томе Реми, высоком, сутулом, с седоватыми висками, который все еще стоял и курил, сказать что-то определенное было сложнее. Пока он большей частью молчал.

Все, кроме режиссера, были в гриме или с его следами – Джейн Колстер тщательно вытерла себе лицо носовым платком. Аделаида, всхлипывая, запрокинула голову, и Джейн Колстер сказала ей довольно резко:

– Ну хватит тебе, Аделаида!

– Почему не вызовут врача? – рыдала та.

– Это бессмысленно, – тихо сказал Том Реми. – А констебль и так делает все, что может.

– Они пытаются задержать убийцу, не дать ему уйти, – быстро, но веско проговорил Дики. – Он должен быть где-то здесь, в здании. Выйти можно только через парадную дверь, но *он* там не проходил.

Аделаида повернула к другой кулисе одутловатое сильно загримированное личико, гротескно исчерченное подтеками слез, и заметила Сюзан.

– Кто это? – спросила она.

1. Около 1912 г. в США, когда новый вид искусства, кино, стал вытеснять театр, возникло движение малых театров, целью которого было создание экспериментальных центров драматического искусства, не использовавших стандартные приемы знаменитых коммерческих театров. В Чикаго, Сиэтле, Бостоне, Детройте возникали первые театральные труппы, стремившиеся к созданию новаторских, некоммерческих постановок. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

Джейн холодно посмотрела на Сюзан.

— Она вон с тем журналистом.

— Журналистом! — воскликнула Аделаида. — С каким журналистом?

— Из “Рекорда”. Прикатил в Киттиуейк писать о чем-то — наверно, о весеннем половодье, больше у нас ведь ничего не бывает, — услышал об убийстве.

Дики быстро повернулся к Тому Реми.

— Не тот ли это парень, который пришел с констеблем? — спросил он и своим умным взглядом сразу нашел стоявшую рядом Сюзан. — Вы тоже журналист?

— Нет. Моя фамилия Дейр, — Сюзан взглянула на Джейн. — Не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Спасибо, нет, — отвечала Джейн и посмотрела на остальных, как бы не вполне отдавая себе отчет в том, что она не одна. — Мисс Колстер. Мистер Реми. Мистер Дикенсон.

Под сценой что-то с грохотом рухнуло.

— Что они делают? — закричала Аделаида. На лестнице справа от сцены послышались эхом отдававшиеся шаги.

— Уж не нашли ли кого? — вслух подумал Том Реми. Тут на сцену вышли трое мужчин: впереди красный и отдувающийся констебль, следом его помощник (Сюзан подумала, что этого тоже назначили впопыхах), замыкал шествие Джим Бёрн.

Джим снял шляпу. Отдувавшийся констебль, придерживая револьвер, обратился к миссис Колстер, а Джим в это время отвел Сюзан в сторонку.

— Бог мой, Сю, — тихо, так, чтобы слышала только она, сказал он, — ну, доложу я тебе, история! Театр заперт, мышь не проскочит. Шериф на другом конце округа. Держу пари на свою шляпу, убийца здесь, среди нас. Как ни крути, материал у меня будет.

— Есть у тебя материал, — довольно мрачно сказала Сюзан и посмотрела на лежащее на сцене тело.

Джим заметил ее взгляд.

— Понимаю, Сю, — сказал он. — Но, в конце концов, что случилось, то случилось.

Он вдруг замолчал и прислушался к тому, что говорил констебль.

— ...поэтому шериф по телефону велел держать вас всех здесь, пока не вернется. Сказал, что вскоре выедет. Поэтому очень сожалею, миссис Колстер, но ничем не могу помочь.

— Но это же нелепость! — воскликнула Джейн. — Вы хоть понимаете, что пока вы нас здесь удерживаете, убийца моего мужа выбирается из театра?

— Ну, — медленно отвечал констебль, — насчет этого мы не так уж уверены.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ответить просто, мадам. По словам этого парня, Дикенсона, из парадной двери театра никто не выходил. А служебный вход на сцену закрыт на засов изнутри и охраняется снаружи. Из этого следует, что убийца по-прежнему здесь.

— Уж не хотите ли вы сказать, что даже о теле моего мужа позаботиться не позволите? Я требую: позвоните доктору Марксу. И моему адвокату.

— Послушайте, миссис Колстер, — сказал констебль, — зачем вы так? Шериф велел не выпускать вас отсюда, именно так я и поступлю. Он должен увидеть убитого, как есть, и тело нельзя трогать, пока его не осмотрят шериф и следователь. А мне надо продолжать опрос. Таков мой долг, и вам, дамы и господа, чинить препятствия закону я не советую. Со мной тут два помощника, и все мы вооружены.

Джейн сверкнула глазами — верный признак того, что дело принимает опасный оборот.

— Шериф разрешил допускать сюда журналистов? — спросила она.

— Журналисты, — важно ответил констебль, — допускаются всегда. Данк, ты бы нашел что-нибудь, надо прикрыть мистера Колстера.

— Давайте внесем ясность, — сказал, выступив вперед, Том Реми. — Вы нас задерживаете за убийство?

Аделаида поморгала и тихонько вскрикнула, а констебль сказал:

— А что, тут еще кто-то был?

Последовала недолгая пауза.

Коричневое лицо Джейн Колстер сделалось пепельно-серым, но оставалось сосредоточенным и настороженным. Том Реми отвел взгляд от констебля, Аделаида поморгала, ахнула и прижала скомканный носовой платок ко рту. Красивое темнокожее лицо Дикенсона уподобилось бесстрастной маске, двигались только глаза.

В старом здании стояла полная тишина. В тот вечер на его сцене уже сыграли странную трагедию, и Сюзан чувствовала, что театр ждет продолжения, финала. Внизу коридоры вели к пустым гримерным. Над сценой в загадочном туманном полумраке угадывались колосники.

Тишину нарушил голос констебля:

— Так вот, — сказал он, — задам-ка я каждому из вас по несколько вопросов. Кажется, нет нужды предупреждать, что лучше отвечать правду. Так, где-то там сзади есть кресла. Данк, — продолжал он, — тащите их сюда. Устроимся с комфортом. — Маленький помощник ушел, а констебль крикнул

грузному чернокожему, стоявшему в дальнем от сцены конце зрительного зала. — До прибытия шерифа, Уид, никого не выпускать.

— Садитесь, мисс, — тихо сказал принесший кресло Данк, обращаясь к Сюзан.

Она села и осмотрела остальных. Все усаживались на сцене в кружок.

Неужели Джейн Колстер настолько сильна духом, что сможет сколько угодно скрывать признаки горя и потрясения? Неужели Аделаида так горячо любила брата, что теперь то и дело всхлипывает? Неужели обе эти женщины настолько крепки, что выстоят после удара, сокрушившего Брока Колстера?

Худенькая темнокожая Джейн, казавшаяся напряженной, видимо, обладала невероятным запасом душевных сил. Эта элегантная женщина сидела прямо и как будто спокойно, но легко было догадаться, что все мышцы у нее напряжены и она готова к прыжку.

Рядом с Джейн, женщиной среднего роста, Аделаида казалась маленькой. Она ссутулилась в кресле, принесенном ей помощником констебля, и убрала выцветшие светлые кудри от одутловатого личика. Аделаида оказалась старше, чем прежде предполагала Сюзан, ибо теперь ей удалось рассмотреть у нее небольшие мешки под глазами и припухлости по сторонам от подбородка. Сюзан вполуха слушала, как Джим и констебль негромко разговаривают между собой, стоя над телом. Она перевела взгляд на нервного темнокожего режиссера и на Тома Реми.

Любому из этих двух хватило бы сил для нанесения смертельного удара Колстеру, будь под рукой подходящий предмет.

“Орудие убийства, — подумала Сюзан. — Что же с ним стало? И что им послужило?”

Правда, Дики и Тома нельзя было назвать атлетически сложными, но, с другой стороны, в момент удара эмоции могли умножить силы.

Том Реми опять курил, сощурился, отчего его взгляд казался пронизательным, очень внимательным и совершенно непостижимым. Он обменялся долгим взглядом с Джейн Колстер — Сюзан это заметила, и у нее возникло странное чувство, будто эти двое поддерживают диалог без слов, хотя выражение лиц у обоих оставалось неизменным.

Темнокожий молодой режиссер провел ладонью по гладким черным волосам и вдруг спросил:

— Кто поднял занавес?

— Занавес? — переспросила Джейн. Констебль развернулся и присоединился к небольшому кружку сидевших на сцене, за ним последовал и Джим.

— Ну да, занавес, — быстро проговорил Дикенсон. — Когда я пришел, он был опущен. Я еще тогда посмотрел на сцену. Я его не поднимал. Кто это сделал?

Все молчали.

— Что тут такое с занавесом? — спросил констебль. — Противопожарный занавес? В соответствии с постановлением городской администрации, он должен...

— Безусловно. Разумеется. Знаю, — вставлял Дикенсон в его речь свои краткие реплики. — Конечно, занавес был опущен. А когда я вышел из кабинета — мой кабинет вон там, — с быстротой, характерной для его жестов, он указал в сторону фойе, — и пришел сюда, его уже подняли.

— Это вы обнаружили тело?

— Конечно я. Вы это знаете. Я сказал вам это по телефону.

— Когда вы узнали, что убитый — мистер Колстер?

— Я... — Режиссер ненадолго закрыл глаза, как бы вспоминая, и Сюзан успела заметить, как бегают у него зрачки под тонкой кожей темных век. — Припоминаю, я только увидел, что занавес поднят, а там что-то лежит. Я поспешил к распределительному щитку, включил свет и увидел, что это мистер Колстер. Разумеется, я решил, что у него обморок или что-нибудь такое, и выбежал на сцену. Остановился примерно вон там и понял, что случилось.

— И что вы сделали тогда?

— Я... думаю, позвал других. Видите ли, все остальные были внизу, готовились к репетиции. Потом я снова побежал в кабинет к телефону. Когда я вышел оттуда, Том, миссис Колстер и Аделаида были уже на сцене...

— К моему приходу вы уже заперли парадный вход, — сказал констебль. — Как это было? Когда вы его заперли?

— Как только все собрались на репетицию. Запер потому, что нам в последний раз надо было как следует порепетировать, а если б я оставил дверь незапертой, нам бы то и дело мешали. Многие жители Киттиуейка, не желая покупать билеты на спектакль, стараются пробраться на генеральную репетицию.

Джим негромко прочистил горло. Констебль сделал то же самое и вежливо спросил:

— Что-то хотели сказать, мистер Бёрн?

— Я подумал, — сказал Джим, — отчего вы не пользуетесь служебным входом? Казалось бы, это удобней.

— Ну нет, — довольно сварливо ответил молодой режиссер. — От замка в ней сейчас нет ключа, так что приходится запирасть ее изнутри на засов.

— В таком случае единственный выход, которым мог воспользоваться убийца, — та дверь, которую охраняет сейчас помощник констебля?

— Да, — сказал Дикенсон.

— А дверь вашего кабинета выходит в вестибюль, и вам из него виден парадный вход в театр, верно?

— Да, конечно.

— В таком случае вы, должно быть, видели всех входивших в театр и выходивших из него.

— Ну, я... — быстрые темные глаза Дикенсона обежали сидевших на сцене, и он продолжал. — Именно это я и подумал, когда вы стали меня спрашивать. Но, полагаю, я мог ошибаться.

Констебль снова прочистил горло и посмотрел на Джима.

— Позвольте уточнить, — заговорил тот. — Вы сказали констеблю, что пришли в театр примерно без двадцати восемь.

— Да.

— Репетиция в костюмах была назначена на восемь?

— Я сказал: начинать гримироваться ровно в восемь, репетируем с четверти девятого.

— Будьте добры, скажите, пожалуйста, для генеральной репетиции обычно гримируются? — спросил Джим, сама ирландская любезность. — Я думал, репетируют, чтобы освоить реквизит и все такое.

— Ну, — нерешительно начал режиссер, — это верно. Но, видите ли... — Он помолчал и вдруг признался: — Но вы же знаете, каково это с любителями. Им нравится запах грима. — Дикенсон помолчал и добавил: — Вы меня опрашиваете или собираете материал для газеты?

— Придя к театру, вы его отперли? — спросил Джим.

— Конечно. То есть я отпер парадную дверь.

— Кто пришел следующим?

— Джейн... то есть миссис Колстер и... Брок. Они пришли вместе.

Джим повернулся к Джейн Колстер.

— Миссис Колстер, известно ли вам что-либо о том, что беспокоило вашего мужа? Он был сегодня таким же, как обычно?

— Да, как обычно, — спокойно ответила Джейн Колстер. — Правда, сегодня он был немного усталым, потому что большую часть дня возился в саду. Если пытаетесь понять, были ли у моего мужа враги, то зря тратите время. Врагов у него не было.

— Итак, миссис Колстер, — вдруг заговорил констебль, — вы и мисс Аделаида жили с ним в одном доме, а мистер Реми — в соседнем. Вы могли бы сообщить нам полезные сведения. У этого убийства должен быть мотив. Оно не случайно. И совершено не с целью ограбления — все вещи мистера Колстера на месте. Вам бы следовало помогать нам более активно, миссис Колстер.

— Но, говорю же вам... — Джейн замолчала, чтобы овладеть собой. — Говорю вам, мне нечего сказать. Нечего. Ни с кем он не ссорился. Врагов у него не было.

— В городке он считается богатым.

— Нет никакого богатства, — сказала Джейн. — Он не был миллионером.

— Оставил ли он страховку?

— Слушайте, мистер Лэмбрикин, — сказала Джейн, и в ее глазах снова мелькнули огоньки, предвещавшие недоброе. — Спросите об этом нашего адвоката. Я же со своей стороны могу вам сказать, что муж всегда был очень щедр со мной и с Аделаидой. Да, он распорядился всеми деньгами семьи Колстер, то есть не только своими, но и моими, и наследством, полученным Аделаидой. Но мы имели все, что хотели. Его завещание также не секрет: по нему наши деньги к нам же и возвращаются, и каждая получает по половине имущества Брока. Уверяю вас, мотива для убийства у нас нет. Если бы кому-то из нас потребовались деньги, достаточно было бы попросить.

— Что происходило после прихода в театр мистера и миссис Колстер? Будьте добры, скажите, она зашли поговорить с вами? — это снова спросил Джим, его кельтская любезность была столь красноречивой, что в его праве задать этот вопрос не усомнился даже Дикенсон.

— Мы немного поболтали — они остановились в дверях кабинета — а потом пошли вниз гримироваться. Брок сказал, что здешней публике он больше понравится с бородой, он как раз ее изготовил. Он отдал жене ящичек с гримом и кепку, и она пошла, видимо, в гримерную, а он остался, чтобы показать мне бороду, — она и сейчас у него приклеена. Потом ушел и он.

— Я пришел следующим, — сказал вдруг Том Реми. — И тоже заглянул в кабинет к Дики поговорить, а потом прошел прямо в зрительный зал, поднялся вот по этой лестнице и, ни разу не взглянув на сцену, спустился в гримерную. И помню, что занавес на темной сцене был опущен.

— Колстеров внизу видели? — спросил констебль.

— Видел миссис Колстер, — медленно проговорил Том Реми. — Она стояла в дверях своей гримерной. Мы обменялись двумя-тремя фразами, и я пошел в свою. Но не думаю, что миссис Колстер выходила из своей гримерной до того, как Дики позвал нас со сцены.

— Почему вы так думаете? — спросил Джим.

— Потому что слышал ее голос.

— Ее голос? — воскликнул констебль. — Хотите сказать, что она говорила с кем-то? Наверно, с мистером Колстером. Это был...

— Нет, — сказала Джейн. — Я говорила не с мужем. Последний раз видела его живым в кабинете... — тут она выдержала паузу, Сюзан подумала, что выдержала намеренно, — у Дики.

Констебль перевел взгляд на Дикенсона, который вдруг побледнел.

— С кем вы говорили, миссис Колстер? — спросил Джим.

Сюзан заметила предвещающие недоброе огоньки в глазах Джейн.

— Репетировала роль, — сказала она.

Дикенсон перевел дыхание.

— Если думаете, — сказал он, — что я убил Брока и притащил труп на сцену, то ошибаетесь. Я не смог бы его поднять. Для меня он слишком тяжел.

— Может быть, — сказал констебль. — Но уж коль о том зашла речь, не знаю, кто из здесь присутствующих мог бы его поднять. Или бороться с ним, что не менее важно. Он был гораздо крепче любого из вас. Любого. — Он задумчиво осмотрел сидевших на сцене и добавил: — Разумеется, вдвоем вы бы...

— Рана, — произнес Джим без всякой интонации, — на лбу. Кто-то стоял перед ним совсем рядом. Этого человека он знал и не опасался.

Джейн вскочила с места.

— Да как вы смеете говорить такое! Это неправда.

— Джейн... Джейн... — благоразумно пробовал урезонить ее Том Реми. — Слушайте, констебль, я твердо знаю, что с момента моего прихода в театр до крика Дики, звавшего нас на сцену, миссис Колстер находилась внизу, в своей гримерной.

— Мы и не утверждаем, что миссис Колстер — убийца, — сказал констебль. — Но Брок Колстер мертв, не так ли? Итак, Дикенсон, вы утверждаете, что видели всех, кто входил сегодня вечером в театр.

— Я так думал, — поспешно сказал тот. — Но теперь, поразмыслив, допускаю, что кто-то мог войти без моего ведома...

— Вы говорили, что находились в кабинете с момента прихода в театр и до прихода последнего участника репетиции. Кто пришел последним? Мисс Аделаида?

— Да, Аделаида. Да, я так сказал, сторяча, когда вы, констебль, стали нас опрашивать. Но сейчас я понимаю, что кто-то, должно быть, проскользнул мимо двери моего кабинета незамеченным.

— А потом, убив Брока Колстера, выскользнул из театра? — мрачно спросил констебль.

— Именно, — с готовностью подтвердил Дикенсон. — Именно так, наверно, и случилось. Другого объяснения нет.

— Поздновато для такого заявления, Дикенсон, — сказал констебль. — И нет оснований думать, что вы видели всех вошедших, что, отперев парадный вход, сидели в кабинете у входа в театр до того времени, как заперли его снова. Убийца дважды прошел мимо вас незамеченным. Нет, оснований нет. Итак, мисс Аделаида, что скажете вы?

— Я... я пришла, как сказал Дики. Прошла по боковому проходу, поднялась вот по этой лестнице, наверно, как и остальные, а потом сразу спустилась к себе в гримерную. Вот и все, что я могу сказать. То есть находилась там до тех пор, пока Дики не позвал нас на сцену. Мы все побежали наверх и увидели... — она вздрогнула и договорила: — Увидели его.

— Был ли поднят занавес, когда вы шли по проходу?

Аделаида поморгала, помялась и наконец решительно сказала:

— Не знаю. Правда не знаю. Этого я вообще не помню.

— Была ли освещена сцена?

— Нет, должно быть. Нет.

Джим прочистил горло, и Констебль взглянул на него.

— Странно, что никто не слышал шума, — сказал Джим.

— Кто-нибудь слышал шум? — прямо спросил констебль.

Все молчали. Недолгое молчание становилось угнетающим. Сюзан снова остро ощутила вокруг себя ожидающий чего-то театр, его пустые помещения, тени, коридоры, гримерные внизу, превращенную в балкон с французскими окнами сцену, видимые из зрительного зала края кулис, превращенные в декорации — кирпичные стены, увитые плющом. Она посмотрела вверх в пространство над сценой. Несмотря на софиты рампы, там было темновато. Призрачные веревки уходили вверх и терялись во мраке.

Сюзан подумала, не может ли кто-то скрываться там, в темных уголках за колосниками или уцепившись за веревки, и решила, что это невозможно. Однако загадочные темные пространства над сценой и по сторонам от нее ей не нравились.

Констебль вздохнул и спросил:

— А вы ничего не слышали, миссис Колстер?

Джейн облизнула губы.

— Ничего такого, что можно было бы принять за... удар, я не слышала, — неохотно проговорила она. — Какие-то звуки до меня доносились. Я думала, что это мистер Дикенсон готовит реквизит, и не обратила на них внимания.

— А вы, мистер Реми?

— Я тоже не слышал ничего похожего на удар. Мы вообще могли его слышать?

Констебль посмотрел на прикрытое тело.

— Думаю, да, — сказал он. — Вы слышали кого-нибудь на сцене?

— Не знаю, — сказал Том Реми. — Помню, я подумал, что Дики готовит сцену, но не знаю почему. Должно быть, слышал что-то, так я думаю. Разумеется, — добавил он, как бы спохватившись, что своими словами наводит подозрение на режиссера, — у меня не было никаких оснований думать, что это Дикенсон, кроме того, что обычно именно он готовил для нас сцену. И у меня было лишь смутное впечатление, что на ней кто-то есть. Потом, знаете, был какой-то гул.

— Гул?..

— Это я включил вентилятор, — перебил Дикенсон. — Выключатель у меня в кабинете — хотел убедиться, что он работает. Это нововведение, в старых театрах такого не бывало. От него много шума. Его можно использовать только в антрактах или при пустом зале. Но сцену я не готовил.

— В какое время вы включили вентилятор?

— Точно не скажу. Около восьми, наверно.

— А вы сами слышали что-нибудь? Помимо... вентилятора?

— Нет, — ответил Дикенсон. — Ничего. Но мне бы хотелось знать, кто поднял занавес.

Опять наступило молчание, во время которого театр чего-то ждал. Позади Сюзан кто-то вздохнул. Оказалось, что это маленький помощник констебля. Джейн Колстер кусала себе губы, Аделаида смотрела вверх в загадочный полумрак пространства над сценой. Том Реми выдохнул бежевый табачный дым. Вдруг послышался тихий топоток, и все настожились.

— Мыши, — тихо сказал Дикенсон. Аделаида тихонько вскрикнула, подняла с пола ноги и натянула на колени юбку.

— Разумеется, это просто нервы, — подумала Сюзан. Все, как и она, сознавали, что по этой сцене ходил убийца.

И до сих пор оставался на свободе или, по крайней мере, не был установлен. Какое из этих напряженных лиц скрывало информацию об убийстве?

И возможно ли, что при осмотре театра пропустили какой-то его темный уголок?

— В таком случае, убийство произошло в промежутке от без десяти восемь и до десяти минут девятого, — вдруг сказал констебль. — Так вы, Дикенсон, говорите, что гримировать лица должны были в восемь?

Дикенсон пожал плечами.

— Ох... начать должны были в восемь, — сказал он. — Но это не значит, что Брок Колстер спустился в гримерную ровно в восемь, а затем снова поднялся на сцену.

— Но какое-то время он находился в своей гримерной, — не уступал констебль.

— Должно быть, так.

— И был убит после того, как загримировался?

— Да, по-видимому. Он был убит не в своей гримерной, это очевидно. Никто не смог бы дотащить его по лестнице.

— Когда ваш муж находился в своей гримерной, миссис Колстер?

— Я... не знаю.

— Вы вообще его не слышали?

— Вообще.

— Но вы знали, что мистер Реми у себя?

Тут разразилась давно собиравшаяся гроза. Джейн Колстер вскочила с места и стала лицом к констеблю.

— Констебль, это возмутительно, — в ярости крикнула она. — Вы удерживаете нас в этом ужасном месте, пугаете, допрашиваете. И у нас нет выбора — нам остается только ждать шерифа. Но мы можем отказаться отвечать на ваши вопросы, именно это я сейчас и делаю. Больше я ничего вам не скажу. И буду ждать шерифа там, где пожелаю.

Она прошла по сцене, свернула, миновав распределительный щиток, и стало слышно, как она быстро спускается по лестнице к боковому проходу зрительного зала.

— Эй, послушайте, — крикнул констебль, вставая. — Я не разрешал вам уйти.

Элегантная темнокожая женщина не обернулась. Все смотрели, как она, не торопясь, выбрала себе кресло, села и подперла голову ладонью.

Том Реми, Аделаида и Дикенсон тоже встали со своих мест, будто вдохновившись открытым неповиновением Джейн, и направились к кулисам. Аделаиду заботливо поддерживал под руку прилизанный молодой режиссер.

— Ладно, пусть идут, — сказал констебль своему заволнованному помощнику. — Пожалуй, только и остается, что ждать шерифа.

— Что вы обо всем этом думаете? — спросил Джим.

— Сдается мне, — отвечал констебль, — что все произошло около восьми. Да, в восемь — в восемь десять. Мистеру Колстеру, я думаю, потребовалось несколько минут, чтобы нанести краску на лицо. По какой-то причине он пошел на сцену. Мистер Реми и миссис Колстер предоставляют друг другу что-то вроде алиби, но алиби вообще ненадежны. У мисс Аделаиды едва ли было время на убийство — разве только ей очень повезло: этот Дикенсон запер парадную дверь и сразу после этого пришел в зал. На это, я думаю, ему потребовалось не более минуты. Я...

— Что-что? — рядом с ними вдруг оказался Дикенсон.

— Мы с констеблем говорили, что вы должны были пройти за мисс Аделаидой в зрительный зал почти сразу же.

— Так и было. Мы поговорили, она прошла в зал, а я выключил вентилятор, запер парадный вход и последовал за нею.

— Должно быть, она загримировалась очень быстро, — сказала Сюзан.

Дикенсон проникательно посмотрел на нее.

— Ну да, я полагаю, она торопилась. Вероятно, еще не успела закончить, когда я обнаружил убитого Колстера и позвал остальных. Но если вы пытаетесь понять, могла ли она убить его, затем спуститься в гримерку и загримироваться, то нет, не могла, не успела бы. И я понимаю, что в силу этого я один остаюсь без алиби. Но я не убивал Колстера.

Констебль снова сказал что-то о ненадежности алиби вообще, и Сюзан дальше не слушала.

Никто не смотрел на миниатюрную женщину в коричневом платье, которая, не привлекая к себе внимания, пересекла сцену, обогнула край декорации и оказалась в полумраке закулисья. Отсюда можно было лучше рассмотреть едва освещенное загадочное пространство над сценой, исчерченное призрачными линиями веревок. Далеко вверху едва угадывались — как это называется, колосники? — как бы то ни было, огромные блоки, через которые перекидывают веревки. Ближе, но все равно довольно высоко располагались несущие конструкции для подвешивания занавеса и декораций; занавес, опускаемый между действиями, горизонтально расположенные голые рейки, неподвижно висевшие в затхлом воздухе. Тут театр как будто жил своей жизнью, и Сюзан, стоя за декорациями и слыша голоса, доносившиеся со сцены, чувствовала это вполне. Она направилась к лестнице, ведущей вниз к гримерным.

На лестнице было холоднее, пахло сыростью и плесенью. Дойдя до последней ступеньки, Сюзан напомнила себе, что весь театр тщательно осмотрен.

Внизу лестница заканчивалась посередине узкого коридора, разумеется, освещенного — во время осмотра в театре включили все лампы. Но здесь свет мог бы быть и поярче. В коридоре с белеными стенами было шесть гримерных. В двух было пусто. В каждой из остальных на столике под зеркалом стоял ящичек с гримом. Сюзан стала заходить в гримерные по очереди.

В первой, по-видимому, гримировалась Аделаида, поскольку тут на стул было небрежно сброшено бежевое пальто, и верхний лоток ящичка с гримом был выложен на непокрытый столик, будто в спешке, и часть палочек грима из него высыпалась. Сюзан помедлила, рассматривая премиленький ящичек

для грима, выбранный себе Аделаидой, хотя актриса-любительница могла бы обойтись и более неприятзательным. Розовая пудра, также частично рассыпавшаяся, и коробочка с румянами стояли открытыми. Сюзан внимательно рассмотрела многочисленные палочки и карандаши разных цветов — это, подумала она, называется подводка для глаз — и перешла в следующую гримерную.

Тут было пусто, если не считать серой кепки и ящичка с гримом, который, как и в гримерной Аделаиды, стоял открытым. Кепка давала все основания полагать, что убитый гримировался именно тут.

Две другие гримерные находились по другую сторону коридора, но не напротив первых двух, а в нескольких метрах от них. В первой из них Сюзан увидела красивый закрытый ящичек для грима, такой же, как и в двух предыдущих, на столе полотенце со следами пудры и на полу три сигаретных окурка и пепел. Вероятно, эту гримерную занимала Джейн, которая, видимо, успела загримироваться и закрыла ящичек для грима. В последнем помещении ящичка с гримом не оказалось, но на столе лежала коробочка с темной тональной пудрой, черным карандашом для бровей и губной помадой карминного цвета. Стало быть, Том Реми обходился лишь самым необходимым. Сюзан надела перчатку из свиной кожи и взяла палочку губной помады. В этот момент что-то промелькнуло в стоявшем перед нею кривоватом зеркале.

Сюзан вздрогнула и резко обернулась.

В дверном проеме перед ней была лишь беленая стена коридора. Но какое-то движение она видела, в этом не могло быть сомнений. Никаких. Она положила палочку карминной помады и подошла к двери. Слабенькая лампочка тускло освещала пустой коридор.

Вдруг она осознала, что более не слышит голосов со сцены.

Что ж, она увидела то, ради чего сюда пришла, и, пожалуй, пора возвращаться на сцену. В коридоре, однако, было довольно сумрачно. И определенно очень тихо. И дверь в гримерную, в которой лежала твидовая кепка, оказалась закрыта.

Сюзан замерла на месте.

Она оставила эту дверь — совершенно точно — открытой.

Вдруг, как ни нелепо это может показаться, ей стало страшно. Она едва не закричала. Как раз в этот момент в гримерной из-за закрытой двери донесся шорох и что-то лязгнуло. Дверь широко распахнулась. На пороге стоял Том Реми и смотрел на Сюзан.

— О, мисс... э-э... Дейр. У вас испуганный вид.

— Я... я не знала, что вы здесь, — сказала она.

Он некоторое время стоял и смотрел на нее, прищурившись, глазами-щелками, выражение которых понять было невозможно. Потом очень медленно произнес:

— Да... я... я спустился за пальто мисс Аделаиды.

— Кто вы по профессии, мистер Реми? — Сюзан с облегчением убедилась, что свой вопрос задала вполне твердым голосом.

— Художник.

—пейзажист?

— Портретист. А почему вы спрашиваете?

— В примерной рядом с лестницей лежит бежевое пальто, — сказала Сюзан. — Вы...

Из примерной Аделаиды довольно быстро появился некто с бежевым пальто на руке. Дикенсон. Он посмотрел на Сюзан и Тома Реми.

— Я взял ее пальто, Том.

— Я... — начал было Том Реми. — Ага, вижу, — сказал он, чуть помолчав.

“Который же из двух следил за мной? — думала Сюзан, поднимаясь по лестнице перед Дикенсоном и Томом. — И зачем?” Поднявшись, она задержалась, чтобы рассмотреть дверь служебного входа в театр.

— Слышишь, Том, — вдруг сказал Дикенсон. — Не передашь ли пальто Аделаиде? Я тут... гм... приду через минуту. Скажи ей. Ладно?

— Ладно, — сказал Реми.

— Это служебный вход? — шепотом спросила Сюзан.

— Конечно. На крепком засове. Мышь не проскочит.

— Разумеется, — сказала Сюзан. — Вижу. — Она посмотрела на засов и рукой в печатке подняла его. Дверь отворилась, снаружи повеяло ночным воздухом, и из темноты возникла коренастая фигура.

— Эй, — послышался грубый голос, — закройте дверь и не выходите, мисс.

— Хорошо охраняют, — заметил Дикенсон. На его тонких губах играла улыбка, но глаза казались встревоженными. Сюзан опустила засов. Дикенсон рядом с нею пошел к сцене.

— Это, — сказала Сюзан, — разумеется, распределительный щиток. — Она указала на вделанную в стену панель.

Дикенсон кивнул.

— Это выключатель для асбестового занавеса, — по собственной инициативе объяснил Дикенсон. — Это единственный занавес в нашем театре, который приводится в движение нажатием кнопки. Остальные рубильники управляют освещением.

Сюзан вышла на сцену. Джейн Колстер по-прежнему невозмутимо сидела в кресле, которое себе выбрала. Над нею, склонившись, стоял Том Реми, они разговаривали.

Аделаида, накинув бежевое пальто, сидела рядом, глядя перед собой в пространство.

В дальней от сцены части зала констебль совещался со своим помощником по поводу охраны парадной двери. Другой помощник, Данк, худой и несчастный, сидел на сцене. Джима видно не было.

Сюзан подошла к сидевшему на сцене помощнику, и он, испуганно оглянувшись и схватившись за револьвер, вскочил с места. Дикенсон следил за Сюзан из-за кулис, не сводя с нее понимающего взгляда черных глаз.

— Кто-нибудь из находящихся здесь ходил по театру? — тихо спросила Сюзан у помощника констебля.

— А? — Он в удивлении широко раскрыл бледно-голубые глаза. — Да нет, по-моему, нет. То есть Том Реми ходил вниз несколько минут назад. И этот молодой парень, Дикенсон, тоже.

— Кто из них ушел первым?

— Дикенсон, наверно.

— По-моему, один из них, — медленно проговорила Сюзан, — попытается что-то спрятать. Что-то важное. Вы...

— Конечно! Вас понял. Буду следить за каждым их шагом, — глаза у него загорелись. Видимо, слова Сюзан прозвучали властно, ибо помощник ничего более не спросил, и слава Богу: Дикенсон в это время уже шел к ним через сцену. Сюзан пошла к декорации — французскому окну — и он повернул туда же. Он следовал за ней, куда бы она ни направилась, и останавливался одновременно с нею.

В пространстве между двумя декорациями была сложена мебель для гостиной. Небольшая легкая кушетка, несколько стульев и стол.

— Это для второго акта, — сказал следивший за Сюзан Дикенсон.

“Забавно, — возникла мысль где-то на периферии сознания Сюзан, — как быстро мы отделились от помощника констебля, от сидящих в зрительном зале. Как будто кроме нас здесь совсем никого нет”.

Она отошла немного от худощавой фигуры Дикенсона, но он последовал за ней. Чувствуя на себе взгляд его темных глаз, Сюзан наклонилась, желая рассмотреть кушетку, и Дикенсон едва не коснулся ее плечом.

— Ищете орудие убийства, я полагаю? — сказал он.

— Да, пожалуй что так.

Сюзан стала обходить кушетку, Дикенсон не отставал. Огибая край декорации второго акта и подходя к кулисам, она, слыша за собой его тихие шаги, снова погрузилась в темный мир пустых пространств, которые теперь почему-то не казались пустыми, и снова посмотрела вверх в полутемное пространство над сценой.

У темной старой стены на высоте около девяти метров располагалась небольшая деревянная платформа с перилами, к которой вела узкая деревянная лесенка. От перил тянулись веревки. Сюзан повернулась к этой платформе.

— Послушайте, вы ведь не собираетесь на колосниковую галерею.

— А почему бы и нет? — отвечала Сюзан, пытаясь угадать, что он на это скажет.

— Ну, знаете ли, это... профсоюз запрещает. Вход туда разрешен только работникам сцены. И... это обязательно двое и обязательно мужчины. С веревками там управляться и прочее. Это довольно опасно. Со мной однажды едва не случилось беды. Напарник отпустил веревку, считая, что она без груза, а оказалось, что она с грузом, который упал совсем рядом. С тех пор, уж вы мне поверьте, я предостерегаю актеров, чтобы держались подальше от этой галереи. Эти любители... послушайте, ради всего святого, что вам там надо? Там ничего нет.

Он был вовсе не так сообразителен, как она почему-то решила. Иначе не говорил бы, а действовал.

Сюзан положила руку на поручень лесенки.

“Хорошо, что он есть”, — подумала она, ибо не любила лестниц и все, что их напоминает.

— Профсоюзные правила сегодня вечером не действуют, — легкомысленно сказала она и стала подниматься.

Приятным этот подъем Сюзан бы не назвала. Ступеньки были очень узкие и высокие. Кроме того, она слишком хорошо сознавала, что Дикенсон по-прежнему следует за ней буквально по пятам. Шаг за шагом. Ну что ж, всегда можно позвать на помощь. В случае необходимости. Но лучше было бы подниматься, дождавшись Джима.

Глядя с небольшой галереи, Сюзан подумала, что до сцены отсюда гораздо дальше, чем казалось, когда она смотрела снизу вверх. У нее вдруг закружилась голова, она закрыла глаза и ухватилась за массивные перила.

— Если ищете зацепки, — учтиво проговорил стоявший рядом Дикенсон, — то тут ничего нет. Вам не кажется, что было бы лучше спуститься? Не могу допустить, чтобы вы упали в обморок здесь.

Сюзан открыла глаза.

— Это не обморок, — сказала она. — Как называются эти штуки? — Она прикоснулась к длинным деревянным кольшкам, прикрепленным к перилам, от которых отходили веревки.

— Шпильки, — ответил Дикенсон. — Веревка вон там перекидывается через блок и крепится здесь рифовым узлом к шпильке. Она держит веревку. Обращаться с веревками доверяют опытным людям. Эти балансиры и занавесы, знаете ли, очень тяжелые. В современных театрах все это поднимается электрическими двигателями. Получить там работу — подарок судьбы. — Он скользнул взглядом по лицу Сюзан и продолжал: — Я сам боюсь работать с веревками, хотя, конечно, время от времени приходится делать это на репетициях. Балансир весит гораздо больше, чем вы предполагаете. Знал я одного парня, у него нога попала в петлю веревки, балансир он выронил, и его утащило на высоту двадцать четыре метра. — Дикенсон посмотрел на Сюзан долгим взглядом и очень внушительно произнес: — Это очень опасно.

“Знает, что я поняла”, — подумала Сюзан и посмотрела вниз. Арьерсцена лежала сейчас перед ней, как на плане. Декорацию, представлявшую балкон, заслоняли другие, но Сюзан видела дугу ярких софитов, оставшиеся на сцене кресла и помощника констебля. Никого больше не было видно, хотя откуда-то рядом доносились голоса. И никто не знал, где она находится.

Тут Сюзан обратила внимание на кольца веревки у шпилек, отличавшиеся от других и между собой величиной, они явно были уложены неумелой рукой. Она не смогла удержаться: протянула руку и схватилась за веревку над кольшком.

— Осторожно! — воскликнул Дикенсон.

Сюзан посмотрела вверх в туманное пространство колонников. Здесь в воздухе ленивой пеленой висела пыль, двигавшаяся по своим загадочным законам. Что же было прикреплено к этой веревке, теряющейся во мраке?

Дикенсон крепко схватил Сюзан за руки.

— Прекратите, — сказал он, и тут Сюзан заметила, что по полу под ними движется небольшая фигурка в бежевом.

— Дики! Дики, дорогой, что ты там делаешь?

Сюзан почувствовала, как, услышав голос Аделаиды, Дикенсон вздрогнул, но руки ее не выпустил.

— Иди к Джейн, Аделаида. И будь с нею. Иди...

Но Аделаида, задрав голову, всматривалась в пурпурный от пыли воздух. На глазах у Сюзан лицо Аделаиды окаменело, глаза усталились в одну точку, и их зрачки в ужасе расширились.

— Дики, — вскрикнула Аделаида и бесформенным кулем рухнула на пол.

Дикенсон выпустил руки Сюзан и стал спускаться по лестнице. Помощник констебля оказался возле Аделаиды первым, потом откуда-то прибежала Джейн, а за ней Том Реми. К тому времени, когда Аделаиду перенесли на кушетку и отодвинули бывшую рядом мебель, чтобы было больше воздуха, подоспели также констебль и Джим.

Сюзан вцепилась в поручни и смотрела вниз. Фигуры внизу, видимые ею с большой высоты, казались странно низенькими, но она слышала каждое слово.

Итак, вот что послужило орудием убийства. Но каков был мотив?

Колени у Сюзан дрожали. Она взглянула на крутую узкую лесенку, уходящую вниз, и спускаться сразу расхотелось. Ей всегда было проще подняться по лестнице, чем спуститься. Внизу Джим уже искал ее.

Сюзан тихонько свистнула, и Джим заметил ее, хотя все остальные продолжали смотреть на лежавшую на кушетке Аделаиду. Джим взглянул на Сюзан с облегчением, подошел под галерею и тихо сказал:

— Спускайся.

Сюзан снова посмотрела на высокие ступеньки и покачала головой.

— Не могу.

Он начал было говорить, но остановился и решил подняться к ней. Дыхание Сюзан становилось более спокойным по мере того, как по лесенке к ней приближались серые плечи Джима.

Наконец он вышел на галерею.

— Я тебя искал, — мрачно сказал он.

— Самое время, — сказала Сюзан слабым голосом. — Пригласил девушку покататься, впутал в историю с убийством и напуганную до полусмерти покинул.

— Чепуха, — отозвался Джим. — Слушай, Сюзан, что ты обо всем этом думаешь? И почему эта женщина внизу бухнулась в обморок?

— Потому что я поняла, что послужило орудием убийства Брока Колстера, — сказала Сюзан. — И она тоже это знает.

— Орудием? — переспросил Джим.

Сюзан посмотрела на кушетку, а потом вверх в пурпурный сумрак.

— Джим, — медленно проговорила она. — Представим меня на месте убийцы. Прошу тебя, послушай. Допустим, я хочу убить Брока Колстера. Быть может, я хотела сделать это уже давно или вдруг захотела сильно, как никогда. Допустим, я выхожу на сцену, асбестовый занавес опущен, и поэтому ни-

кто не видит, и по какой-то причине я останавливаюсь вон там и обнаруживаю, что тут же находится и Колстер. Допустим, он сонный и вялый — целый день провозился в саду, он лежит, вытянувшись во весь рост вон на той кушетке.

— Сюзан...

— Погоди. И вот я стою, может быть, смотрю на него и ненавижу. Ненавижу его, как никогда прежде. Ненавижу так, что это становится невыносимо. Ибо он стоит у меня на пути к чему-то такому, что я должна получить. И мне надо, чтобы он был мертв. Но одного моего желания убить его недостаточно, и, может быть, просто случайно... может быть, какое-то воспоминание об опасности, угрожавшей сверху, заставляет меня взглянуть вверх. А там, как Дамоклов меч, висит орудие убийства... Погоди Джим, послушай. Оно висит там, как будто меня дожидается. И, похоже, Колстер действительно улегся прямо под ним... будто сама судьба приготовила для меня орудие убийства. Я смотрю на него и думаю только, что оно наконец готово и что никто даже не догадается взглянуть вверх. Времени у меня мало, поэтому я поспешно поднимаюсь на галерею и нахожу веревку, которая удерживает груз. Я освобождаю ее, может быть, не сразу, а сначала убеждаюсь, что все действительно так, как выглядело снизу, что груз прямо у него над головой. И, убедившись в этом, отпускаю груз.

Наступило молчание. Джим смотрел вверх, и его бледное лицо было мрачно.

— И что потом? — спросил он наконец.

— А потом я поднимаю эту штуку обратно. Торопливо укладываю веревку кольцами вокруг этой шпильки. И торопливо спускаюсь по лесенке. Он мертв, дело сделано. Вдруг оказывается, что я не в силах вынести это нервное напряжение, меня охватывает ужас. Как могу я скрыть свое участие в случившемся? Как все запутать, придать случившемуся иной вид, изменить ситуацию? Отсутствие орудия убийства уведет подозрения от находившихся в театре и, таким образом, — от меня. По счастью, Колстер лежит на кушетке, а кушетка... Ты же помнишь гул, который слышали?

Джим посмотрел на Сюзан.

— Вентилятор?

— Возможно, он тоже работал, но шум, будто кто-то готовит сцену, возник оттого, что по ней передвигали легкую кушетку. Она на колесиках, я специально посмотрела, так что передвинуть ее даже вместе с телом не составило бы труда. Стащить тело с кушетки на пол и вернуть ее на прежнее место — проще простого. А ведь в том месте на просцениуме, где обнаружили тело, над ним — просто потолок. Ведь его голова

упиралась в софит, так что он лежал у самой ramпы. Поднять асбестовый занавес тоже было несложно. Где груз и где тело?

Джим медленно покачал головой.

— Но убийца не мог знать, что Колстер окажется именно там.

— Убийца и не знал! Конечно, не знал. В том-то и ключ ко всей истории. Преступление не планировалось. Вся эта накопившаяся ненависть еще, возможно, даже не была настолько сильна, чтобы ненавистник покусился на убийство. Но вот убийца увидел жертву и орудие убийства. Сразу и то и другое как раз тогда, когда по какой-то причине пришел в неистовство, — все три обстоятельства соединились, как вещества в химической реакции, и породили убийство.

Тихий голос Сюзан умолк, и в наступившей тишине стал слышен шелест газеты, которой Джейн обмахивала Аделаиду, и шепот Тома Реми, склонившегося к уху Дикенсона.

Джим вздохнул и задумчиво проговорил:

— Похоже, ты права, Сю. И, конечно, закрепить веревку умелому недолго. Или раскатать эту штуку, чтобы она... сыграла свою роль. Сам-то груз невелик, но падение с такой высоты делает его убийственным. Да, Сю, думаю, ты права. Но на такое способен любой из них. У кого есть мотив?

— Мотивом, на самом деле, должно было быть желание, — медленно проговорила Сюзан. — Желание настолько сильное, что порождало тлеющую, разгоравшуюся ненависть. Кнут любого приведет в бешенство. Но я не знаю. — Она замолчала, желая больше знать обо всех этих течениях чувств и мыслей, которые в сочетании называются личностью. Или характером.

Джим мыслил яснее и более обоснованно, чем Сюзан. Она могла лишь вслепую вытягивать щупальца чего-то, что, вызывая обоснованные опасения, напоминало интуицию.

— Не знаю, — с досадой сказала она, — что это был за кнут.

— Это могла быть месть, — задумчиво сказал Джим. — Зависть. Констебль говорит, характер у Колстера был еще тот. По городу ходят сплетни, что у себя дома это был настоящий тиран.

— А констебль ничем не объяснил реакцию Джейн Колстер?

— Я его спросил. Но он не знал и смог сказать только, что она была немного своевольной. Но если между Колстерами что-то и бывало, то констебль об этом не слышал. О, кстати, Сю, этот молодой Дикенсон не все рассказал о том, что, придя в театр, делал у себя в кабинете. Он говорил по телефону с другим городом.

— Говорил по телефону?

— Именно. С какой-то женщиной. Я хотел продиктовать свою историю по телефону, пришлось сделать междугородний звонок, и телефонистка спросила, не желаю ли я снова поговорить за счет абонента, которому звоню. Я говорю: “Снова?” А она: “О, я подумала, это мистер Дикенсон. Ведь вы в ‘Маджестике’, не так ли?” (“Маджестик”, дорогая Сюзан — название этого театра.) Потребовалось всего минуты две, чтобы все из нее выудить. Без десяти восемь он говорил с девушкой из Спрингфилда. Разговор продолжался всего несколько минут, так что это не алиби. А кто-то на центральной станции очень кстати подслушивал и любезно сообщил, что это был разговор двух пылких влюбленных. Что ты так странно смотришь?

— Странно? — переспросила Сюзан таким тоном, что стало ясно, что мысли ее далеко. — Не обращай внимания. Только, видишь ли, есть орудие убийства. И убийца. И, странно, не правда ли, что если бы этого телефонного разговора не было, не было бы и убийства.

— Что...

— Ну да, конечно! Иначе и быть не могло! Но... Смотри-смотри, Джим! Скорее вниз! Видишь, она приходит в себя. Открывает глаза... смотрит... вспоминает.

У них на глазах фигура в бежевом пальто пошевелилась, села на кушетке и вдруг стала ощущать полы пальто.

Сюзан, побледнев, наклонилась вперед. В глазах у нее появился страх.

— Скорее, Джим, заведи у нее пальто. Ну же, как-нибудь...

Потом Сюзан даже не могла вспомнить, как спустилась по этой крутой узкой лесенке. Не знала она также, что сказал остальным Джим. Она знала только, что он сунул ей в руки бежевое пальто.

Карманы оказались пусты, но Сюзан нашла то, что искала, между подкладкой и мягкой шерстяной тканью бежевого цвета. Она передвигала под тканью небольшой твердый предмет, пока он не показался из дыры в кармане.

— Что вы делаете? — потребовала объяснений Джейн Колстер. Лицо у нее стало одутловатым, серым, глаза сверкали.

Сюзан вместо ответа пересекла сцену и опустилась на колени возле тела. Джим оказался рядом с нею. Это именно он оттолкнул Тома Реми, когда тот попытался вырвать что-то у Сюзан. Кто-то — это был констебль — схватил Реми и удерживал его, несмотря на попытки вырваться. К ним бежали стороживший парадную дверь и маленький помощник констебля.

Потом Сюзан прикрыла лицо убитого.

— Что... — сказал Джим. — Кто это сделал?

Сюзан стало дурно. Она бы желала никогда не слышать о Киттиуейке.

— Вы оставили ящик с гримом и кепку в его гримерной? — спросила Сюзан, обращаясь к Джейн.

— Да, разумеется, — медленно отвечала та. — Я приготовила ему, оставила ящик открытым.

— Вы знали, что он был против, — сказала, помолчав, Сюзан. — Вы знали, что он отказывал.

— Господи, прости меня! — сказала Джейн, и вдруг все увидели, как она постарела. — Я знала... пожалуй, мы все знали...

Сюзан кивнула Джиму.

— Я сомневалась, — сказала она, — пока миссис Колстер вот сейчас не подтвердила. То есть я сомневалась в мотиве. Остальное было ужасно просто. — Сюзан протянула что-то констеблю.

— Вот, — сказала она. — Помада, которой убийца нарисовал ему губы.

— Пома... — начал констебль и лишь через некоторое время договорил, — ...да...

Вдруг кто-то стал ломиться в дверь служебного входа, колотили с такой силой, что эхо вторило ударам волнами, захлестнувшими всех находившихся на сцене.

Констебль сказал своему помощнику:

— Открой, это шериф.

В группе стоявших на сцене произошло движение, которое вкупе со стуком привело к тому, что Джим и Сюзан ненадолго оказались как бы на острове.

— Ты уверена? — спросил Джим.

Сюзан кивнула.

— Губы ему обвели с единственной целью, — сказала она, — заставить думать, что он успел загримироваться, и лишь после этого был убит. Таким образом, получалось бы, что убийство произошло после восьми часов — то есть позже, чем начали гримироваться. На самом деле его убили до восьми. Поэтому это сделал тот, кто был здесь в восемь, то есть Дикенсон, Джейн или Том Реми.

— Погоди. Откуда ты знаешь, что губы ему обвел убийца?

— На лице убитого не было пудры и крема — их наносят раньше грима. А губная помада, которой ему обвели губы, по цвету и качеству не соответствовала ни одной губной помаде в ящичках для грима, которые я видела внизу. Разумеется, спрятать помаду можно в сотне мест. Но когда надумали прятать, было уже поздно.

Стук в дверь прекратился, послышались несколько мужских голосов сразу.

Джим взглянул через плечо Сюзан.

— Продолжай, — сказал он. — Быстрее.

— Ну, поскольку убийство не планировалось, должны были возникнуть и возникали непредвиденные обстоятельства. Убийца мог совершать ошибки. Я снова попробовала поставить себя на его место: он старается все запутать, меняет положение тела, приклеивает убитому бороду, которую Колстер, вероятно, держал в руке. Это, должно быть, наводит на мысль его заgrimировать. Но делать это основательно — принести его ящичек с гримом — не было времени. Кроме того, на сцену просыпалась бы пудра. Как бы то ни было, убийца решил ограничиться бородой и помадой.

— Да... да...

— Вот, потом я бы подошла к распределительному щитку и подняла асбестовый занавес, чтобы иметь возможность перевезти тело на кушетке к рампе, а может быть, просто из желания запутать полицию, все переиначив. Возможно, я это уже говорила. Не знаю. Но после этого я бы пошла в гримерную. А по дороге прошла бы мимо двери служебного входа. И тут бы мне в голову пришел новый способ запутать все еще сильнее: я выйду через служебный вход, побуду немного на улице, а потом повторно войду в театр через парадный вход и на этот раз постараюсь попасться на глаза режиссеру, сидящему у себя в кабинете. Затем, снова идя к гримерным, я могла бы запереть дверь служебного входа изнутри.

Глаза Джима засияли. Мужские голоса, среди которых выделялся голос шерифа, приближались.

— Аделаида, — прошептал Джим.

— Все остальные пришли до восьми. Если бы у нее было время все обдумать, она бы не стала гримировать Колстера. Но она потеряла голову, была взвинчена и хваталась за любую возможность выгородить себя. На этот раз она попыталась создать себе алиби. Дикенсон обнаружил убитого буквально через минутудругую после ее появления в театре. Но это было уже второе ее появление. При первом он ее просто не заметил. Вероятно, слишком был занят разговором с девушкой из Спрингфилда.

— Но каков же мотив?

— Помнишь, Колстер распорядился деньгами Аделаиды и, таким образом, имел власть над нею. Человек он был крутой — тиран. Мне показалось, что рыдала она скорее от страха, чем от горя, и что о Дикенсоне думала больше, чем о чем-либо другом. Именно это я имела в виду, именно это имела в виду Джейн во время нашего последнего с ней разговора. Вероятно, Дикенсон хотел жениться. Колстер упирался, отказывался дать Аделаиде деньги, принадлежавшие ей по праву. А Дикенсон... мне кажется, без денег не так уж она была ему и нужна.

— И тут она подслушала его телефонный разговор...

— Да, — подтвердила Сюзан. — Аделаида в первый раз вошла в театр и подслушала. Ревность, ярость, бешенство женщины тщеславной, заметь, молодящейся, понимающей, что то единственное, чего она так желает, ускользает от нее — все это сочетается и взвинчивает ее. Сейчас она готова на все. Она поднимается на сцену и видит лежащего там Колстера. В то же мгновение она замечает орудие мести — оно висит прямо у него над головой. Месть должна сделать ее свободной.

— А помада?

— Да, помада лежала у нее в кармане пальто. Потому-то она и послала за ним вниз. Джейн губы не красит, в отличие от Аделаиды — следы помады у нее на губах видны до сих пор. Это цвет розового вина, кларета — довольно приглушенный оттенок малинового. Любая женщина его сразу бы точно определила. И Том Реми тоже смог определить. Он искал гри-мерный ящичек Колстера, хотел посмотреть, есть ли в нем губная помада этого оттенка, но без характерного запаха гри-ма. В таком случае, — медленно проговорила Сюзан, — вероятно, все они в глубине души знали, кто убил и почему. Джейн признала это. Доказательством послужат отпечатки пальцев Аделаиды на засове служебного входа.

Шериф подошел к софитам рампы и остановился.

Сюзан, не глядя, мысленным взором видела стоявших на противоположной стороне сцены.

— Итак, — сказал шериф, — здесь произошло убийство.

Джим тронул Сюзан за плечо.

— Иди в машину, садись и жди меня.